

Виноградовские чтения 2011 г.

20 января 2011 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) прошли очередные (сорок вторые) Виноградовские чтения. В этот раз они были посвящены проблемам нормы в языке и речи. Открыл заседание директор Института чл.-корр. РАН А.М. Молдован.

Л.П. Крысин (Москва) в своем докладе «Вариативность как естественное свойство

литературной нормы» на многочисленных примерах показал, что вариативность сосуществования языковых средств, с одной стороны, следующих за традицией и закрепленных как нормативные путем кодификации, а с другой – новых, идущих из речевой практики, представляет собой естественную форму сосуществования нормы и узуса. Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда имеют форму конфликта. Хотя норма консервативна, она

допускает совместное функционирование вариантов языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, узуально, могут зависеть от коммуникативных намерений, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп и т.д., но нередко случаи свободного варьирования. Докладчик выделил следующие типы варьирования, допускаемые нормой: 1) свободное ([д]/[д']езодорант; *одновре́менно*; *в мозгу* / *в мозге*, *чтут* / *чтят*; *он ввел в роман новые персонажи* / *новых персонажей*); 2) семантически обусловленные варианты: а) формы род. п. и паритива (*чая* / *чаю*, *коньяка* / *коньяку*), б) форм предл. и местн. падежей (*лежать в снегу* / *в снеге мало живописности*), в) формы мн. ч. в зависимости от значения слова *тормоза* в *механизмах* / *тормозы в работе*; 3) стилистически обусловленное (*тракторы* (книжн.) / *трактора* (нейтр. или разг.), *тропою* (устар.) / *тропой* (нейтр.)); 4) профессионально обусловленное (*ко́мпас* / *компа́с* (в речи моряков); *сейнеры* / *сейнера*, *инспекторы* / *инспектора*). Критерии, по которым одни профессионально маркированные варианты могут рассматриваться внутри литературной нормы (*компа́с* попадает в орфоэпический словарь с пометой), а другие – остаются за пределами нормы (*взвода*), не ясны; 5) социально обусловленное (*по сре́дам* в речи интеллигенции старшего поколения, *по сре́дам* в речи молодого и среднего поколения независимо от социальной принадлежности); 6) территориально обусловленное. Данный тип признается не всеми исследователями, хотя РЛЯ несомненно существует в локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, словоизменение и лексику (например, у носителей РЛЯ Москвы и Петербурга есть различия в использовании наименований одних и тех же объектов). Л.П. Крысин также отметил, что стремление некоторых кодификаторов и лексикографов рекомендовать безвариантную норму расходится с языковой реальностью.

В докладе И.Б. Левонтиной (Москва) «Человек и норма в современном русском языке» шла речь о том, как в языке представлена идея нормы, связанной с поведением человека. Были рассмотрены новые значения таких популярных в последнее время слов, как *адекватный* ('без неожиданных странных проявлений, без комплексов, без сверхценных идей') и *вменяемый* ('достаточно разумный, чтобы понять, что ему говорят', 'небезумный, нормальный'). Оба слова сейчас используются для положительной характеристики человека. Люди стали обращать внимание на соответствие психической норме, тогда как раньше «уровень разумности» для взаимодействия с человеком

не подчеркивался и языком не фиксировался. Семантический сдвиг был также показан на примере других слов: *самодостаточный* (*самодостаточный человек, ребенок* – 'самостоятельный', 'психологически уравновешенный', прежде книжное, близкое по значению к *самодовлеющий*), *комфортный* (*страна для комфортной жизни* – 'без крайностей, экстремальных проявлений') и *благополучный* (*благополучная страна, благополучный человек* – слово изменило коннотацию на положительную и стало употребляться применительно к конкретному человеку). Докладчик обратила внимание на то, что сдвиг в значении свидетельствует об изменении отношения к норме и представления о жизни.

В.И. Карасик (Волгоград) («Дискурсивная специфика коммуникативной нормы») рассмотрел особенности коммуникативной нормы и предложил схему описания ее разных уровней. На высоком уровне можно говорить об универсальных принципах общения, предполагающих, что собеседник – рациональный человек. Более конкретные нормы общения обусловлены типом дискурса (например, состязательность в политическом дискурсе), этнокультурной традицией (намеки и самоирония в англоязычном дискурсе), эмоциональным состоянием. Следует также учитывать модусное противопоставление нормы (запреты и разрешения, касающиеся того, как вести себя в конкретной ситуации с учетом культурной традиции). В докладе были приведены параметры описания коммуникативной нормы, снабженные разнообразными примерами (с позиции лингвосемантики были выделены фокусировка общения, точность обозначения предмета речи, с позиции социолингвистики – статусные отношения участников общения, с позиции прагмалингвистики – тональность общения). Такой анализ показал, что коммуникативная норма характеризуется дискурсивной спецификой, состоящей в том, что жестко структурированным жанрам определенных типов дискурса присущи конкретные правила коммуникативного поведения, нарушения которых осуждаются в обществе, но есть «мягко» структурированные жанры дискурса, которые в нормативном отношении сориентированы на общие этнокультурные стереотипы поведения. К тенденциям в современной русской коммуникативной норме докладчик отнес понижение регистра общения, вторжение определенных стереотипов телевизионного шоу в другие типы и жанры дискурса.

А.Д. Кошелев (Москва) в докладе «Об основных и производных лексических значениях» рассмотрел введенную акад. В.В. Виноградовым оппозицию «основное значение –

производные значения». Разделяя эту дихотомию и тезис о том, что производные значения слова базируются на его основном значении, докладчик иначе определил сущность производных (метафорически переносных) значений: по его мнению, они образованы не путем *расширения* («обрастания») основного значения слова, а, напротив, путем *извлечения* из него какой-то части или какого-то типичного свойства. Эта извлеченная часть или свойство и становится производным значением, а остальная часть основного значения элиминируется, т. е. оппозиция «основное значение vs. производные значения» сводится к оппозиции «целостное значение-понятие vs. его отдельные части или свойства». При этом как именно дробится целостное значение-понятие, какие его части или свойства выделяются, обусловлено «национальным творчеством данного народа», его этно- и лингвоспецифическим своеобразием.

А.В. Циммерлинг (Москва) на синхронном и диахронном уровне рассмотрел, как меняется отношение к изменениям в языке: то, что воспринимается как порча языка на синхронном срезе, позднее может оказаться эволюцией системы. Приводятся следующие параметры анализа: «синхронный срез соответствует фиксированному распределению значений, принимаемых грамматическими параметрами; грамматические запреты существуют независимо от степени кодификации языка» (в языке есть внутренние, присущие грамматике этого языка запреты, которые носители языка не нарушают); «диахронические изменения соответствуют изменениям в наборе параметров или изменениям в значении существующих параметров; эволюция системы языка плохо осознается при наличии культурного интереса к текстам предшествующих эпох и преемственности литературного языка». Связь времен, следование и нарушение системы были проиллюстрированы на примере русских предикативов (схема $N_{dat} - V_{link} - Pred$): **Мне надо картошка копать* (за гранью нормы, ср. при этом у Г.Р. Державина: «Премудрость я оставил: / Не надо мне она»), *Мне фиолетово*, *Мне стремно* (субнормативный язык, но не нарушает систему). Далее варианты развития системы анализировались на примере синтаксических систем с клитиками (в древнерусском языке, в живых славянских языках и португальском).

Вторая часть чтений открылась докладом А.Д. Шмелева (Москва) «Новые нормы или речевые ошибки?». Речь шла о трудностях кодификации, которые возникают в случае расхождения существующей кодифицированной нормы с явлениями в узусе. Приводились следующие типы варьирования нормы: диахро-

ническое, региональное, социальное, индивидуальное; также изменяется речевой этикет. Норма может пониматься в широком (стихийно сложившиеся способы речи, характеризующие данную разновидность языка) и узком смысле (правила использования языковых средств, принятые среди образованных людей и сознательно культивируемые и кодифицируемые). Докладчик говорил о норме в узком смысле. Было высказано утверждение, что кодификация нормы должна опираться на сознательную оценку степени нормативности вариантов, осуществляемую носителями нормы. Наблюдаются следующие расхождения узуса и нормативных вариантов: 1) индивидуальные рекомендации носителей нормы не соответствуют существующей кодификации (норма устарела, или представления носителей не вполне верны, и они намеренно не следуют рекомендациям); 2) расхождения являются мнимыми (принятые варианты допускались словарями и справочниками, например *дорогие / дешевые цены*); 3) явная ошибка кодификаторов; 4) распространенная ошибка в узусе; 5) норма изменилась, и кодификация устарела; 5) данные кодификации неточны, в авторитетных справочниках представлены разные варианты (*четырьмя людьми / четырьмя человеками*). Докладчик предложил варианты решения указанной выше проблемы в зависимости от расхождения: 1) индивидуальная рекомендация носителей нормы совпадает, представление о норме едино, пособия должны ориентироваться на такое представление; 2) рекомендации носителей нормы не совпадают: а) подвижность нормы, б) противоречивость (в последнем случае требуется социолингвистическое исследование). Однако существуют и такие спорные случаи, когда найти решение невозможно, т. к. само расхождение нормативных рекомендаций является традиционным (как в случае с *Лис(с)абон*).

С.Д. Шелов (с соавтором В.М. Лейчиком (Москва)) в докладе «Терминологическая норма в лингвистическом освещении 70–80-х годов XX в.» представил историю соотношения лингвистики и терминоведения начиная с 30-х гг. XX века и проанализировал взгляды на норму в наиболее информационно и понятийно насыщенной части профессионального научно-технического общения – в терминологии. Материалом для анализа послужили публикации 70–80-х годов XX века, когда данная проблематика разрабатывалась весьма активно, в особенности – в изданиях Института русского языка АН СССР. Было отмечено, что общественное движение в решении проблемы нормы в терминологии шло в сторону «либерализации» и допустимости специфических форм профессиональной нормы и ее известной автоном-

ности. Авторы доклада дают отрицательный ответ на вопрос о том, следует ли опасаться случаев расхождения литературной нормы и нормы профессионального употребления. Следующие особенности характерны для терминологической нормы: она ограничена тематически и адресно (кодификация в области научно-технической терминологии обращена преимущественно к специалистам или обучающимся специальности), ориентирована на письменную речь и, главное, является полностью производной от нормы литературной, но в то же время обусловлена ею. Терминологическая норма в случаях расхождения с нормой литературной требует фиксации и изучения, а не опасений в ее разрушающем воздействии на литературную норму.

В докладе «Интерпретация пассива в художественном переводе: норма – переводчик – читатель» А.В. Уржа (Москва) рассмотрела русские переводы англоязычных произведений сквозь призму читательского восприятия, которое характеризуется определенным (хотя порой и неосознанным) представлением о стилистических нормах употребления синтаксических конструкций. Объектом анализа стали средства интерпретации английских пассивов: действительные и страдательные конструкции, описательные неизосемические обороты (*подвергнуться испытанию*), неопределенно-личные и безличные предложения. Не будучи лингвистом, широкий читатель переводного текста опирается на языковое чутье, используя в отношении таких конструкций оценки «уместно» / «неуместно», «хорошо» / «несуразно» и предпочитая одни переводы другим. В выступлении были сопоставлены два типа переводов Эдгара По: те, которые приводят усложненный синтаксис оригинала «в соответствии» со стилистическими нормами языка перевода, и те, которые пытаются отстраненно его воспроизвести. Если первые обеспечили рассказам «безумного Эдгара» популярность у русского читателя, то вторые остаются примером переводческого эксперимента и объектом читательской критики.

В докладе Анны А. Зализняк (Москва) (подготовленном в соавторстве с И. Микаэлян (США)) «Употребление простого имперфектива вместо вторичного: границы нормы» обсуждались бесприставочные имперфективы – члены видовой тройки, которые появляются на месте ожидаемых производных префиксальных (*рвать зубы* вм. *вырывать*, *варить трубы* вм. *сваривать*, *грузить программу* вм. *загружать*), носят разговорный или профессионально-жаргонный характер и придают речи небрежный, фамильярный оттенок. Отсутствие префиксов, не являющихся чисто видовыми, приводит к опущению некоторого компонента значения, выражение которого берет на себя глагольный корень или глагольное словосочетание с объектом в целом (не случайно отмечается ограничение на тип объекта, ср.: *рвать мосты*, но: **рвать дома*), что позволило назвать рассматриваемые глаголы «квазibesприставочными», «морфологически простой, но семантически сложной формой», а их значение – «герметичным». Анна А. Зализняк указала на системный характер явления и перспективность его исследования: предстоит охарактеризовать условия его возникновения и параметры варьирования.

В докладе С.Е. Никитиной (Москва) «О нормах речевого поведения в русских конфессиональных культурах» рассматривались нормативное употребление слов и речевых формул приветствия и благодарности в определенных коммуникативных ситуациях, правила функционирования языков и языковых маркеров в условиях речевой и музыкальной (певческой) диглоссии у старообрядцев и молокан, а также некоторые правила построения высказываний, определяемые ролью говорящего в конфессиональной общине (на примере молоканского пророка). Отмечена необходимость описания норм (правил) толкования библейских текстов в конфессиональных культурах.

Ю. С. Капитанова

Сведения об авторе:

Юлия Станиславовна Капитанова
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН